

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ

В.И. Ильин

НАРВА КАК ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЙ ОСТРОВ (ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИНТЕРПРЕТАТОРА)

Рецензия на книгу: Райк К. Моя Нарва между двух миров. Petrone Print, 2014. — 286 с.

ISBN 978-9949-511-51-8

Книга «Моя Нарва. Между двух миров», написанная Катри Райк (Райк 2014), — типичные записки путешественника, попавшего на длительное время в чужую культурную среду с намерением ее понять. Предмет ее наблюдений — организация повседневной жизни в этом необычном городе, а мой текст представляет собой интерпретацию ее интерпретации, что переводит книгу, намерения автора которой были далеки от социологии, в жанр социологического документа. К. Райк интерпретирует нарвскую жизнь, а я как человек, неоднократно бывавший там, интерпретирую ее интерпретацию.

Позиция наблюдателя

Работа Катри Райк интересна для социолога с методологической точки зрения, поскольку представляет собой попытку наблюдателя регулярно очищать свою оптику от разнообразных помех. Их источник носит двоякий характер: с одной стороны, это статус автора, а с другой — противоречивый, транснациональный социокультурный контекст, в котором велось наблюдение.

К. Райк — историк и, как большинство ее коллег, не перегружена теоретической подготовкой, часто порождающей дедуктивный соблазн избирательного упорядочивания фактов в угоду логике используемой концепции. Автор пытается смотреть на повседневность небольшого города на востоке Эстонии глазами внимательного и образованного, но в то же время теоретически наивного участвующего наблюдателя. При этом оптика К. Райк в существенной мере определяется ее отчужденностью от культуры жителей города. Когда она приехала сюда, она практически не владела русским языком, хотя с годами этот мощный фильтр был сведен к минимуму. Однако позиция чужака имеет и свои положительные стороны: глаз схватывает множество существенных деталей повседневности, которые местным жителям не видны, ибо их оптика замутне-

Ильин Владимир Иванович — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии культуры и коммуникации Санкт-Петербургского государственного университета (ivi-2002@yandex.ru)

Vladimir Ilyin — Doctor of Sociology, Professor, Faculty of Sociology, St. Petersburg State University (ivi-2002@yandex.ru)

на как налетом «само собой разумеющегося» и «очевидного», так и ценностными предрешениями.

Позиция К. Райк как наблюдателя очень точно описывается ею с помощью метафоры: «Нарвская подводная лодка называется “Эстония”, и на ней живет примерно десять человек» (Райк 2014: 20). Именно в таком количестве изначально был представлен эстонский «экипаж». И это не может не вызывать ассоциаций с жизнью за границей. «Одна моя подруга из дипкорпуса прокомментировала мой рассказ: “Всё, как у нас в посольстве”». Книга написана в жанре антропологических очерков, в которых пестрота тем нейтрализуется общим знаменателем пространства Нарвы.

Гораздо более серьезные помехи порождены крайне противоречивым социокультурным полем, в котором оказалась Катри Райк, несколько лет наблюдавшая повседневную жизнь Нарвы с колокольни директора местного колледжа Тартуского университета. Ее позиция объективно транснациональна, что не является самой благоприятной точкой для трезвой фиксации и осмысления реальности. Во-первых, мощный источник помех — личный фактор. Настоящая эстонка, выросшая в гуще эстонской культуры, по стечению обстоятельств оказалась на административной должности в русскоязычном городе, который в свою очередь тоже по стечению исторических обстоятельств оказался на территории независимой Эстонии. К. Райк является сознательной эстонской гражданкой, которая не только по должности, но и по зову сердца готова в День независимости, зимой, на рассвете со слезами на глазах участвовать в церемонии подъема эстонского флага. Все это формирует ценностно окрашенную оптику. Во-вторых, наблюдатель находится в социокультурном поле русского по составу жителей города. Здесь 23 февраля празднуют День Советской армии («мужской день»), а нерабочий День независимости (24 февраля) используют, чтобы прийти в себя (Райк 2014: 190–192). Налицо ситуация культурного шока совершенно не нейтрального наблюдателя. В-третьих, наблюдатель не выпадает и из эстонского социокультурного поля, формируемого на уровне страны всей системой национальных институтов, а на микроуровне — коллегами и друзьями, озабоченными судьбой эстонской нации и ее культуры. Здесь формируется оптика, через которую русское меньшинство смотрится в лучшем случае как балласт, а в худшем — как угроза. Все это создает атмосферу, в которой сложно нейтрально наблюдать местную повседневность и пытаться понять логику горожан, находящихся в совершенно иной ситуации, которую К. Райк точно определяет в названии книги: «между двух миров». Таким образом, специфика данного наблюдателя сводится к определению: эстонка в русском городе, расположенном в Эстонии.

Начиная читать эту книгу, я был уверен, что при таком объеме помех невозможно обеспечить непредвзятое наблюдение. И ошибся! Разумеется, в книге везде чувствуется, что наблюдение ведет сознательная эстонка, поэтому далеко не все ей видится так, как жителям Нарвы. Сталкиваются две правды, порождая атмосферу, в которой проблематично искать истину.

Восхождение к теории

Теория транснационализма возникает при чтении этой книги двумя противоположными способами. С одной стороны, простое упорядочение разрознен-

ных повседневных наблюдений порождает процесс восхождения к теории транснациональности русского города в Эстонии. Автор ее не формулирует и даже не называет, но читатель, опираясь на приводимые наблюдения, ненавязчиво, почти стихийно выводится в русло ее логики.

Обычно транснационализм обнаруживается в практиках миграции и работы международных организаций. В данном случае его происхождение совершенно иное: в результате развала СССР целый город вместе со всем населением эмигрировал за границу. Таким образом, Нарва — специфический объект, представляющий особый интерес для изучения феномена транснациональности в непривычном ракурсе. С одной стороны, мы наблюдаем здесь сущностную характеристику любой транснациональности: социокультурное взаимодействие поверх национальных границ, жизненное пространство, не вмещающееся в национальные границы своего государства. С другой стороны, жители Нарвы не являются мигрантами, типичным объектом концепций транснационализма. В своем большинстве они либо родились здесь, либо прожили тут много десятилетий. В рамках города они принадлежат к этнокультурному большинству.

Во же время, чтение этой книги вызывает ассоциации с положениями уже давно оформившейся общей теории транснационализма (см. обзор: Островская 2013). Новый тип социокультурной идентичности, порождаемой одновременной принадлежностью мигрантов к разным общностям, национальным государствам и территориям, Вертовек обозначил понятием «двойная или множественная идентичность» (Vertovec 2001). Глик-Шиллер, Бэш, Сзэнтон-Блэнк, Левитт подчеркивают, что трансмигранты ощущают свою принадлежность к двум государствам — принимающей стране и стране исхода. Для анализа идентичности мигрантов, проживающих на территории разных государств, эти авторы предложили использовать понятие «транснациональной идентичности». Она формируется в результате постоянных взаимодействий мигрантов поверх государственных и территориальных границ (Basch, Glick Schiller, Szanton Blanc 1995: 48).

Книга К. Райк дает аналитическое описание, которое, с одной стороны, буквально толкает к концепции транснационализма как объяснительному инструменту описываемых фактов, а с другой — из предложенного материала стихийно вырастает специфическая картина транснационализма, а значит, и иная его версия.

Транснациональное политическое пространство

Динамика Нарвы как транснационального пространства прослеживается в двух плоскостях. С одной стороны, город регулярно мигрировал в социальном пространстве от государства к государству, с другой, и этническая структура его населения веками находилась в состоянии изменений.

С 1223 г. Нарва — это датская крепость, которая в 1336 г. вместе с городом перешла Ливонскому ордену. С 1558 по 1581 г. она в составе Московии, а затем — Швеции, которая уступила ее Российской империи в 1704 г. С 1719 по 1917 г. город входил в Петербургскую губернию, сюда шел приток русского населения, удельный вес которого к 1917 г. достиг половины.

Во время референдума в декабре 1917 г. большинство жителей города высказалось за переход Нарвы в Эстляндскую губернию (тогда еще в составе России). Новое большевистское правительство с этим согласилось, а в феврале 1918 г. Нарва оказалась в уже независимой Эстонии. В 1940 г. в качестве Эстонской ССР она на короткое время (до начала нацистской оккупации) «переместилась» в Советский Союз. Во время освобождения Нарвы от нацистов в 1944 г. город был почти полностью уничтожен, а формирование его населения пошло в основном за счет переселения из русских областей. Так Нарва стала совершенно русским городом в Эстонии, входившей в СССР, а в 1991 г. — уже в независимой Эстонской республике. Таким образом, история Нарвы как транснационального пространства имеет многовековую историю миграции, с одной стороны, населения, с другой — и самого города.

Пограничные столбы всегда, а в современном мире особенно, лишь частично определяют место индивида в политическом пространстве мира. И К. Райк (Райк 2014: 26) очень точно схватывает этот срез транснациональности: «На вопрос, кто президент и где находится столица, следует ответ: столица, конечно, Таллинн, а президент — Путин. То есть отечество — Эстония, а родина — Россия?» Таким образом, Нарва даже в политическом пространстве находится в транснациональной зоне. «Со своей столицей в Таллинне и президентом Путиным Нарва не является ни Эстонией, ни Россией» (Райк 2014: 28).

Высокий уровень отчуждения нарвлян от политической системы Эстонии нельзя объяснить только культурными и социально-психологическими факторами. При авторитарном советском режиме все были граждане, а с установлением демократии в Нарве лишь 33 % жителей оказались гражданами новой республики, 33 % — Российской Федерации, а 22 % — лицами без гражданства (специфическая категория транснационального пространства). К 2013 г. изменились пропорции, но не суть ситуации: 47, 36 и 16 % соответственно (Narva in Figures 2013). К. Райк (Райк 2014: 145) отмечает: «Европейцы не понимают, как в государстве может быть так много людей без гражданства, по всей Эстонии их почти 85 тыс.». Под давлением Евросоюза неграждане получили возможность участия в местных выборах, которые здесь важнее национальных. К. Райк достаточно долго прожила в Нарве, чтобы научиться смотреть на мир глазами не только коренной эстонки и полноправной гражданки своего государства, но и глазами нарвлян, ставших официально «чужаками»: «Я как гражданка Эстонской Республики ничего не имею против того, чтобы у них было гражданство. Тогда они не были бы так оскорблены и так разочарованы. У меня на душе неспокойно, когда люди в Нарве называют паспорта людей без гражданства волчьим билетом» (Райк 2014: 148).

Власть относится к Нарве очень настороженно. И К. Райк (Райк 2014: 138, 140) ставит диагноз: эстонская власть «побаивается русского человека». За этим стоят стереотипы, которые вызывают негативную реакцию не только у нарвлян, но и у К. Райк: «Меня просто бесит, когда чиновник говорит затверженное: “Они — наша проблема; русские коррумпированы, они воруют”». И местные жители отвечают власти тем же: в поведении политической элиты Эстонии они часто видят проявление «хуторского менталитета» и даже «фашизма».

«Лица без гражданства» — это статусная позиция, изначально имевшая сугубо дискриминационный статус, исключавший и из эстонского, и из российского пространств (для поездки в РФ требовалась виза). Однако в начале XXI в. ситуация резко изменилась, превратив эту позицию в ряде отношений в привилегированную: Россия отменила для них визы, а вступление Эстонии в ЕС открыло для них и все европейские страны. Возникла полноценная позиция гражданина транснационального пространства.

Разновидностью такой позиции являются и граждане РФ: с одной стороны, они живут десятки лет в Эстонии, а с другой — являются гражданами соседнего государства, в Эстонии они имеют вид на жительство, дающий им широкие социальные права, а в Россию они ездят как полноправные граждане и многие получают там пенсию (в РФ пенсионный возраст заметно ниже).

Нарвский язык

Язык — это ресурс, избирательно используемый для решения конкретных коммуникативных проблем. Разумеется, что в Эстонии русский язык адаптируется к специфическому контексту иного государства. Новые реалии требуют новых слов, которые порою заимствуются из эстонского языка. Это дает основание К. Райк (Райк 2014: 162–165) сделать явно преувеличенный вывод о существовании нарвского языка, в котором русский словарь обогащается эстонскими словами (например, «экзамикескус» — центр сдачи экзаменов на знание государственного языка, «кеэлеинспексиоон» — комиссия, проверяющая знание эстонского языка). Возник и специфический языковый этикет: если эстонка приветствует по-русски, то ей отвечают по-эстонски. К. Райк приводит пример выступления на нарвском языке: приветствие и прощание по-эстонски, а все остальное — по-русски. В интеллигентном обществе уже более или менее понятна и эстонская речь, но все равно остается серьезный риск недопонимания.

Однако в условиях транснационального пространства Нарвы язык — это не только средство коммуникации. Как верно отмечает К. Райк (Райк 2014: 166), «увы, в Нарве в настоящий момент язык все больше становится чистой политикой».

Транснациональное виртуальное пространство

Интернет и спутниковое телевидение не знают ни границ, ни пограничников, но это не лишает его жесткой структурированности и деления на зоны, которые не пересекаются. Главный механизм геттоизации виртуального пространства можно описать формулой: потребление информации обусловлено, во-первых, избирательной заинтересованностью (о чем хочу знать), во-вторых, возможностью понять информацию. И тут главным регулятором является знание языка. Банальный парадокс Нарвы состоит в том, что физически ее жители находятся в Эстонии, но в то же время пребывают в основном в российском информационном пространстве. В итоге у нарвитян и у эстонцев совершенно разное видение одного и того же мира. «Информацию о России, — отмечает К. Райк (Райк 2014: 27), — черпают из телевизора и интернета. Если для эстонца последнее слово — за газетой, то для русского — за телевидением». Однако

никто не заставляет отдавать предпочтение российским СМИ: за выбором стоит структура внимания, в которой жизнь своего государства занимает периферийное положение по сравнению с Россией. К. Райк (Райк 2014: 30) так формулирует позицию нарвитян: «... Оставьте в покое нас и наш город, мы вас, эстонцев, не трогаем, нам не интересна ваша жизнь». Сказывается и недоверие к эстонским властям и СМИ.

Нарва в потоке времени

Промежуточность нарвитян фиксируется не только в пространстве, но и во времени. «Если Нарву с чем-то можно сравнить, то скорее с Советским Союзом, — делает вывод К. Райк. — В Нарве есть места, где легко, без дополнительных декораций можно снимать фильм о советских временах: те же улицы, дома, серость, советские автомобили, подавленные люди» (Райк 2014: 28). К. Райк объясняет это в основном происхождением местных жителей. Однако на поверхности лежит иное объяснение, бросающееся в глаза, едва попадаешь в город: в постсоветский период экономическая жизнь города шла все время по нисходящей, поэтому естественно, что люди, лишившиеся работы, «предпочитают» старые советские автомобили, новые жилые дома легко посчитать здесь на пальцах одной руки, здесь много предприятий закрылось, но, кроме магазинов, почти ничего не открылось.

В советское время в промышленности города было занято 30000 чел., сейчас — две-три тысячи. При этом новая экономика представлена только выросшим числом рабочих мест в торговле. Бывшие инженеры резко спустились вниз по ступеням нисходящей социальной мобильности. «Когда я начинала руководить колледжем, — пишет К. Райк, — у нас был десяток уборщиц и почти у каждой — высшее образование. Было и несколько обладательниц красных дипломов — с отличием» (Райк 2014: 86).

Таким образом, динамика трансформации реальности в этом городе закономерно воспроизводит советский консерватизм, растущий из плодородной почвы. И автор точно подмечает логику обыденного сознания, ведущую в этом направлении: «Многие думают, что все было подстроено: специально закрыли фабрику, чтобы люди остались без работы, и Нарва — русский город — просто вымерла. Обиду на государство не излечить ничем».

Транснациональная экономика

За годы независимости Нарва вышла из эпохи индустриального общества, но не пришла в постиндустриальное. Это просто деиндустриализированное общество. Основная часть населения занята в сфере услуг — рыночных и бюджетных. Кроме того, есть ниша примитивной транснациональной экономики.

Эстонию от России отделяет небольшой мост и пограничный пункт с минимальными формальностями. По обе стороны реки разный уровень цен на многие товары, это формирует почву для трансграничной торговли. Нарвитяне ходят через границу за лекарствами, водкой и сигаретами, дешевыми продуктами питания. Как отмечает К. Райк (Райк 2014: 50), «на первом месте стоят сероватые макароны, сухие супы и консервы. Именно они являются основными предметами торговли и в ближайших к границе продуктовых магазинах». Авто-

мобилисты ездят в Ивангород заправляться. Между покупками потребительских товаров для себя и малым бизнесом контрабандного типа лежит тонкая грань: водку, сигареты и бензин перевозят и на продажу, идя при этом на разные ухищрения, чтобы обойти таможенные ограничения. При этом некоторые умудряются пересекать границу по несколько раз в день.

В маленьком Ивангороде сформировалась торговая инфраструктура, ориентированная на нарвитян. Кроме того, там построен корейский автозавод, на котором до кризиса работало несколько сот жителей Нарвы. Северо-восточная Эстония с давних времен является местом отдыха для жителей Санкт-Петербурга (затем Ленинграда). Поддерживается эта традиция и по сей день: в 2013 г. в местных спацентрах побывало 100 тыс. граждан России. Одним из конкурентных преимуществ этих мест отдыха является русский язык. Едут сюда и в шопинг-туры, чему способствует строительство в Нарве большого торгового центра «Фама», поэтому ассортимент местных магазинов рассчитан не только на жителей этого города, но и на россиян (Райк 2014: 121, 124).

Другая Эстония

Если смотреть на карту, то Нарва — обычный эстонский город, если в него въехать, впечатление меняется. «И не успели мы въехать в город, — вспоминает К. Райк о посещении этого места в середине 1990-х гг., — как нам показалось, что мы очутились в другой стране» (Райк 2014: 12). Инаковость Нарвы конструируется с двух сторон: с одной — местными жителями, в абсолютном большинстве считающими себя русскими и не видящими причин ассимилироваться и становиться эстонцами, с другой — институциональной средой Эстонии, которая самыми разнообразными методами, сознательно и бессознательно, исключает этот город из общего ритма национальной жизни, вытесняя его на периферию. Например, «безработных, готовых взяться за самую тяжелую, каторжную работу, — вспоминает автор, — я увидела впервые: в Тарту я о безработице не знала» (Райк 2014: 12). И это в Эстонии, которая считается одним из лучших примеров рыночных преобразований в Восточной Европе. Наслаиваются и иные проблемы. Средний показатель заражения ВИЧ на 100000 жителей в Европе — 6, в Финляндии — 3, а Эстония со своими 24 случаями на 100000 человек — стоит на первом месте. В самой же Эстонии пальма первенства принадлежит Нарве, где инфицировано ВИЧ 9 % населения в возрасте 15–59 лет (Тооман 2015).

Здесь часто звучит вывод: «В Нарве делать нечего». К. Райк как честный наблюдатель, при всем своем патриотизме, не может не фиксировать этот факт: «Нарвитяне любят свой город, но все, у кого есть хоть малейшая возможность, уезжают. Из 56000 жителей Нарвы 16000 — пенсионеры <...>. За последние двадцать лет число жителей города уменьшилось почти на 20000, то есть в среднем город терял тысячу человек в год <...>. Демографы говорят, что город станет меньше еще на 20000 чел.» (Райк 2014: 30). Молодежь, заканчивая школу или университеты, стремится уехать в развитые страны Европы, где есть высокооплачиваемая работа.

Соблазну русских патриотов все списать на национальную политику Таллина противостоит веский контраргумент: за рекой — не очень глубокая

русская глубинка (до Санкт-Петербурга пара часов езды на автомобиле), но там тоже жизнь угасает в схожих формах. Кроме того, нарвляне не рвутся уехать в Россию. Основными пунктами их миграции являются более богатые страны Европейского Союза (Иванов 2015).

Таким образом, книга К. Райк представляет собой очень информативный документ, выполненный в жанре антропологических записок, позволяющий взглянуть на Нарву глазами сознательной эстонской гражданки, которая в течение долгого времени пыталась понять нарвлян, взглянув на их жизнь с их точки зрения. Данная книга интересна не только как документальное свидетельство, написанное умным и внимательным человеком, но и как текст, могущий быть пищей для методологических размышлений об исследовательской оптике как факторе конструирования картины социального мира.

Литература и источники

Иванов В. Чемодан — вокзал... и обратно. Почему русские не хотят уезжать из Эстонии, *Новая газета*, 06.02.2015.

Островская Е.А. Транснациональные пространства глобальных межкультурных взаимодействий: методология социологического изучения, *Журнал социологии и социальной антропологии*, 14(2), 2013: 168–188.

Райк К. *Моя Нарва между двух миров*. Petrone Print, 2014.

Тооман Э. В Нарве 9 % населения в возрасте от 15 до 59 лет инфицировано ВИЧ, *Эстонское национальное телерадиовещание*, 23.11.2015 [<http://rus.err.ee/v/virumaa/8d08fa8d-982a-409b-945e-3424c01cf90f/v-narve-9-naseleniya-v-vozraste-ot-15-do-59-let-infitsirovano-vich>]. Дата доступа: 13.04.2016.

Basch L., Glick Schiller N, Szanton Blanc C. From Immigrant to Transmigrant: Theorizing Transnational Migration, *Anthropological Quarterly*, 1995, 68(1): 48-63.

Narva in Figures (Narva arvudes), 2013 [<http://www.narva.ee/files/7095.pdf>]. Дата доступа: 13.04.2016.

Vertovec S. Transnationalism and Identity, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2001, 27(4).